

Виолетта Войнатовская

ПОЛЬНО́К

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

КНИГА 3

18+

Полынок

Виолетта Войнатовская

Полынок. Книга 3

«Автор»

2026

Войнатовская В.

Полынок. Книга 3 / В. Войнатовская — «Автор»,
2026 — (Полынок)

Третья книга романа "Полынок" открывает перед читателем широкий и суровый мир русского Севера - мир купеческой удали, дальних дорог, зимних трактов, поморских берегов и опасной торговли, где прибыль всегда идёт рядом с риском. Васька и Павел снова оказываются на пороге больших перемен. За их спинами - тайны прошлого, впереди - путь в неизвестность, новые союзы, соблазны, испытания и встречи, способные изменить судьбу. Ярославль встречает их шумным гостеприимством, Архангельск - морозным дыханием моря, а северные земли манят богатством пушнины, свободой и тревожной непредсказуемостью. Это история о мужской дружбе, купеческой сметке, силе характера и выборе, который приходится делать, когда сердце тянет в одну сторону, долг - в другую, а дорога уже зовёт вперёд. Атмосферный роман для тех, кто любит живой язык, яркие характеры, исторический быт и приключения на краю обжитого мира.

© Войнатовская В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Виолетта Войнатовская

Полынок. Книга 3

Глава 1

*Господи, Иисусе Христе, Боже наш,
покрой меня Своим святым покровом
и ангелами своими добрыми.
Защити меня во всех путях моих
и избавь от всякого зла и беды.
(Молитва о путешественниках)*

Ноябрь со свинцового неба крыл Ярославль пышными хлопьями снега. Поезд надрывно гудел, толкая вагоны к перрону вокзала. Проводник с довольным и важным лицом в чёрном двубортном пальто, подпоясанным ремнём с пряжкой, поправил фуражку. Осмотрел свои сапоги гармошкой, стряхнул пыль с шаровар, приосанился, пошёл по вагону.

- Господа, конечная - Ярославль, прошу собираться! Ежели кому носильщика позвать, то не извольте беспокоиться! Завсегда они у вагонов первого класса наизготове!

Васька еле проснулся, башка трещит. «Ох, и погуляли в Москве! Шикарная гостиница Славянский базар! А купец, знакомец новый, деньгами сорил без счета». Павел тоже поднялся, сел на диване, потягиваясь, окликнул:

- Василий, давай сейчас на вокзале чайку горяченького попью. А уж потом к Вострикову направимся! Ты где познакомился с этим купцом развесёлым?

- Да где? - Васька зевнул, - в буфет я пошёл за морсом клюквенным. Вот он и привязался, что, мол, молодой господин не соизволит ли поддержать его рюмочкой водочки за удачную сделку! Мне интересно стало: что за сделка? Купил купчик кварцевую жилу золотоносную в Оренбургской губернии.

- Ишь ты, - покачал головой Павел, - а с виду тюха деревенский!

- Тюха! Самый дорогой номер был у него в гостинице - из пяти комнат!

- Славно погуляли мы с ним! Вась, а как его фамилия?

- Богомоллов Никита Авдеевич. Содержанки его - просто загляденье!

Плеща себе в лицо холодную воду над тазом, Павел расхохотался.

- Да он привязался ко мне: возьми Лидию на проживание к себе! Ты, мол, глянулся ей! Пришлось поврать, что женат и куча ребятишек у меня, и не имею возможности брать на содержание себе женщину. Давай одеваться, уже подъезжаем - вон вокзал виднеется!

Поезд, пуская пары, подтащил состав к перрону. Два дворника с яростью чистили ещё не притоптанный снег. Посреди вокзальной площади, расставив широко ноги, стоял начальник станции. Рядом топтался, придерживая шашку, здоровенный пузатый полицейский. Встречающих было немного, они бегали вдоль вагонов, заглядывая в окна. Павел подошёл к вагонному окну, громко проговорил:

- Поди - ка, Василий, сюда! Смотри: тут, прям, и вокзал приличный, думаю, и ресторация есть!

Из вокзальных дверей на перрон вышла толпа стройных, как на подбор, девушек в заячьих шубейках, покрытых красным сукном с меховой отделкой. Разноцветные шали придерживали расшитые небольшие кокошники, темно - синие бархатные юбки пышились оборками. Два парня в нагольных полушубках наяривали на тульских гармошках. Впереди шёл Востриков в чёрном длиннополом пальто с меховым воротником и в круглой бобровой шапке

с доньшком из котика, с лаковым козырьком. Рядом с ним высокая красивая девушка держала на расшитом полотенце круглый каравай. Звонкими голосами девушки запели:

- Ой вы, гости дорогие!
Гостенёчки не простые!
Подходите к караваю,
Да кусайте с краю!
Вот вам соль, посолите,
Рубль девушкам кладите,
На ленты красные, атласные!

Гармонисты, приплясывая, рвали меха гармошек. Начальник станции, улыбаясь, покачал головой, пошёл в здание вокзала. Полицейский закрутил пузом из стороны в сторону, начал притоптывать ногой. Павел и Васька вышли из вагона, Петр Кирьянович бросился к ним. Сначала он обнял Ваську за плечи, троекратно расцеловал его:

- Здравствуй, мой дорогой Василий Михайлович, здравствуй, спаситель мой! Павел Александрович, и вам я рад, очень рад вашему приезду!

Похлопал Павла по спине и расцеловался с ним. Оглянувшись, громко сказал:

- Глафира, поднеси моим гостям дорогим хлеб - соль!
Та подошла, низко поклонилась, протянула каравай.
- Откушайте, гостенёчки, хлеб – соль!

Васька и Павел отломили по кусочку, посолители и съели хлеб, положили на каравай по серебряному рублю. Девки, встав в хоровод вокруг них, заголосили:

- С ярмарки ехал ухарь – купец!

Ухарь - купец, удалой молодец!

Вздумал купец лошадей напоить,

Вздумал деревню гульбой удивить!..

Востриков махнул рукой, зычно крикнул:

- Прошу вас, гости долгожданные, пожаловать ко мне в усадьбу. Лошадки уже заждались!

Вся толпа двинулась вслед за ними. Павел позвал носильщиков:

- Эй, молодцы, несите чемоданы за нами!

За зданием вокзала их ждали повозки расписные, пять штук, запряжённые в гордых вороных жеребцов.

- Вишь, коняки какие у меня? Развожу немного! Конюхи у меня - татары, славные ребята, знают толк в лошадях. В этом году продавал на ярмарке шесть штук, так чуть за них не подрались покупатели!

Все расселись по повозкам, кучера погнали лошадей по набережной. Востриков показывал достопримечательности Ярославля, крича счастливым голосом Ваське в ухо:

- Волга - матушка наша, а это - церковь Ильи Пророка, кондитерская самого Юрезовского! А вона трактир Будилова, грязное место: тамочки продажные бабы да шваль всякая! Оне и не побрезгуют человека жизни лишить! А это - околоток из купеческих домов, тут у них всё пристойно. По весне, черёмуховые сады когда зацветают, благодный дурман над околотком висит. А вон и моя усадьба над Волгой!

На высоком берегу возвышался огромный деревянный терем. Подъехали к нему, его окружал забор, который спускался к Волге. На воротах были резные медведи, по углам забора на столбах сидели, тараша глаза, совы, выточенные из дерева. Васька и Павел ахнули, разглядывая усадьбу Вострикова.

- Мдаа, удивил ты нас, Петр Кирьянович! - проговорил восхищённо Васька.

Ворота распахнулись, два бородатых мужика в красных рубахах и безрукавках из овчины стали заводить лошадей с повозками в огромный двор. С высокого крыльца с резными балясинами спустилась пожилая женщина в тёмно - вишнёвом сарафане, расшитом серебряным галу-

ном, посередке были пуговицы, обтянутые кумачом. Пышные рукава рубашки были украшены кружевом, сверху накинута душегрея, отделанная мехом соболька, на голове красовалась кика с ушками. Грудь украшал речной жемчуг рядов в десять. Она держала поднос со штофиком водки и рюмками. Подошла к ним, низко поклонилась.

- Мой поклон вам, гости дорогие, прошу рюмочку откушать!

Обняв за плечи женщину, Востриков провозгласил:

- Прошу любить и жаловать - моя домоправительница и моя правая рука, почитаемая мною Ефимия Ивановна!

Павел и Васька выпили водки, Петр Кирьянович пригласил всех в дом, гармонисты снова заиграли, девушки запели весёлую песню, дробя каблучками по ступенькам крыльца.

Через две недели пьяных гулянок, Востриков разогнал гармонистов и девок, пришли бабы, стали мыть и убирать дом и двор. Хозяин дома и приехавшие друзья втроем пошли в баню, парились часа три, выгоняя хмель. Петр Кирьянович за обедом сказал, что сейчас они с ним поедут на его фабрику, где шьют тулупы, потом в его магазин, торгующий мехами. Вечером обсудят поездку на север. Выехали сразу после обеда, Востриков приказал кучеру прокатить их по городу. Петр Кирьянович радостно рассказывал про свой славный Ярославль:

- Друзья мои, я люблю свой город! Это вам, конечно, не Петербург, но мы тоже не лыком шиты! У нас и театр есть, гимназии Мариинская и Екатерининская. Бульвар имеем для променада! Вон, одних пристаней на Волге больше двадцати штук. А какие ротонды по берегу реки, летом из них люблюсь видами.

Ваське понравился Ярославль с его неправильными улицами, с трактирами, ресторациям. Лавки с расписными яркими вывесками. По всему городу - золочёные и разноцветные главы церквей. Девушки - красоты необыкновенной, светловолосые и статные. Побывали на фабрике Вострикова, он с гордостью рассказывал про изготовление нагольных тулупов и крытых сукном полушубков женских. Ещё там шили заячьи шубки, тоже крытые китайкой или нанкой. Ну, и для зажиточных - из енотов и хорьков. В швальне работают и мужики, и бабы, шорными иглами сшивают кроенные тулупы, шубы. Магазин удивил Павла и Ваську, особенно чучела животных: тут и медведь, и россомаха, песцы и лисы. Шкурами завалены все прилавки и стеллажи, много покупателей, которые прицениваются к меху. Вечером за ужином Востриков обратился к Ваське и Павлу:

- Вот, молодые люди, давайте я чуток про себя расскажу и немного о своих мечтах. Вы тоже не таитесь от меня! Вдовствую уже как пятый год. Жена моя осчастливила меня тремя дочерьми. Всем дал им имена наших императриц: Екатерина, Елизавета и Александра, замужем они за купцами. Катя живёт в Москве, Лизонька - в Нижнем Новгороде. А младшая Сашенька здесь, в Ярославле, замужество её не удачное. Муж строгий и крутого нрава. Отговаривал я её от этого скверного купчишки, но, сами знаете, любовь глаза застит! Шестнадцати годов пошла под венец. Всем моим дочерям бог пока детей не дал. В молодые годы, благодаря одному человеку, побывал я в разных местах: на Белом море, Баренцевом, Карском. Живал с поморами, в чумах у самоедов, тяжкая жизнь у них. Пришлые купцы и перекупщики всё стараются их обобрать, а они народ доверчивый и добрейший, не спросят: кто ты, откуда. Сначала накормят, напоят, а уж потом и разговор заведут. Не хочется мне помереть в тёплой постели. Большое желание имею покурлесить! Хоть ещё разок добраться до острова Колгуев или на полуостров Канин. Пушкину скупал я у народов, что проживают за Мезенской губой. И славно поторговал на ярмарке Маргаритинской в Архангельске. Вozил меха туда возами. Были у меня племяши, отчаянные парни, сгубил я их. Унесло их на льдине, целый год искал бедолаг моих! Бывает, прибывает течением к большому льду, а там можно и до земли добраться. Уж семь лет ни слуху ни духу о них! А мне одному несподручно. Не желаете быть компаньонами моими? Конечно, чужая душа - потёмки, но я уже успел полюбить вас всем сердцем! Сыновей Бог не дал, но не печалюсь! Надеюсь, дочки мои народают парней, и продлится род мой! Как перед

Богом слово даю: все радости, горести и победы на троих, и, перво - наперво, вся прибыль - поровну! Не тороплю вас с ответом!

Васька про себя стал прокручивал, что ответить Петру Кирьяновичу. «Я - то как увидел его в купеческом собрании на балу, так и потянуло меня к нему, словно он мне родной. Ну, проживу я годочки богом отпущенные. Женюсь, детей заведу, а там и помирать». Покосился на Павла, тот задумчиво курил, пуская дым колечками. Бросив папиросу в пепельницу, Павел встал, расстегнул жилет, повернулся к Ваське.

- Что, брат, задумался? Ты ведь мечтал в Петербурге, чтобы уехать куда – нибудь. И меня уговаривал. Вместе решили белый свет посмотреть! Я своё слово держу, а ты, случаем, не передумал?

Ухмыльнувшись, Васька, протянул руку к графину с вином, налил в бокалы, поднял свой, весело сказал:

- Да нет, не передумал! Если жить по – старому - проживёшь дольше, а если молотить по - новому, то и намолотишь больше! Я согласен, Петр Кирьянович, стать вашим компаньоном, да и белый свет поглядеть охота!

Павел кинулся к Ваське, обнял его, похлопал по спине, волнуясь, проговорил:

- Я знал, что ты человек рисковый! Вот, брат, уважаю тебя за эту черту: не отступаешься от слов своих! У меня тоже совсем нет желания возвращаться в Петербург! И я с тобой, Петр Кирьянович. Бог не выдаст, свинья не съест!

- Ура, ура,- крикнул Востриков, повернулся на иконостас и трижды положил на себя крест.

Широко распахнулась дверь, в гостиную вбежала девушка небольшого росточка в распахнутой собольей шубке. Кинулась на грудь Петру Кирьяновичу.

- Батюшка, спаси, Христа ради! Убивает меня Николаша! Посмотри, как он снова измывался надо мной, еле убежала, - она приподняла лицо с разбитой губой и заплывшим глазом.- Горничная Маруся помогла: окно распахнула, я и вылезла, извозчика взяла. Прикажи вынести ему плату!

Тот обнял её, приговаривая:

- Погубил я тебя, Ляксандра, выдал замуж за зверя! Ну - ко, присядь на диванчик. - Кивнул головой Павлу, – расплатись с извозчиком!

Александра рыдала, мотая растрёпанными волосами, Востриков опустил на колени перед дочерью, стал успокаивать её. Вошёл Павел, развел руки по сторонам, удивлённо сказал:

- Там, по - моему, подъехал супруг вашей дочери. Ну, сторожа его не пускают во двор. Он кричит, что если его жена не выйдет сей минуту, то он застрелится!

Петр Кирьянович встал с колен, крикнул:

- Ивановна, иди Сашеньку заberi, да горничная пусть ей накапает брому! Ну, напужал он меня своими стрелялками! Я бы сам застрелил его, как пса поганого!

- Ой, батюшка, – зарыдала ещё громче Александра, - а вдруг Николаша и вправду решит себя жизни?

- Пусть стреляется твой Николаша к чертям собачьим, второй год грозитя пустить себе пулю в лоб!

Вошла Ефимия Ивановна, обняла за плечи Александру, увела её из гостиной.

В душегрее и малахае вбежал сторож с перекошенным лицом, крича:

– Пётр Кирьянович, их степенство стрельнули из ливольвера се в башку! Как стрельнули, так замертво упали!

- Что ты городишь? Выпимши что ли ты, Ванька?

- Не, не, ни капли, ни боже мой! Я же вам говорю: барин Николай Ильич, застрелили себя!

Востриков, замахал на сторожа руками, тихо проговорил:

– Тише, тише, дурья башка твоя, не ори! Пойду выйду, посмотрю, что тамо приключилось! – Востриков подтолкнул сторожа в спину, – айда, поглядим на этого малахольного!

Вернулся через полчаса, лицо было бледным, растерянным. Забегал по комнате, рвя пуговицы на косоворотке, затем стащил с себя суконную поддёвку, хрипло произнёс:

– Воды подайте, чёт мне нехорошо!

Павел поднялся, потянулся к графину, схватил стакан, наполнил его, торопясь, через край, подал Петру Кирьяновичу. Тот выпил залпом, вытер пот со лба, повернулся к иконостасу, трижды перекрестился.

– Господи, прости его неразумного: не по своей воле он себя жизни лишил! Болен был душевно! Вот, сукин сын, и впрямь застрелился! Язви его в душу! Подвёл меня под монастырь! Нет бы дома у себя стрелялся, так, злодей, под мои воротами себя убил! Чтобы насолить мне и Александре! Ох, послал я конюха за его папашей, и в полицейский участок побежал мой человек, тут недалече. Оставил людей возле Николаши, приказал не трогать ничего. Матушка его тоже ведь застрелилась годов пять назад!

Васька и Павел опешили, непонимающе переглянулись. Павел переспросил:

– Застрелился? Неужто в самом деле застрелился? Может, он просто ранил себя? За доктором послали? Вася, пойдём посмотрим, может помощь нужна?

Востриков, хватаясь за сердце, махнул им рукой, дрожащим голосом ответил:

– Да не дышит он, и кровища там вокруг него !

Быстрыми шагами те направились на улицу. На крыльце толпилась дворовая челядь, тихо переговариваясь. Спустившись по ступенькам, Васька и Павел прошли через распахнутую калитку. На снегу, откинув правую руку в сторону, лежал молодой мужчина. Большое тёмное пятно окружало его голову. Возле него валялся пистолет Смит - Вессон. Рядом топтались сторож и дворник с фонарями. Павел перекрестился, подошёл к мужчине, наклонился, обхватил его запястье, пытаясь нащупать пульс. Затем приложил пальцы мужчине на шею, выпрямился, тихо сказал:

– Мда, не живой, насквозь прострелил голову! Тут понятно: сразу умер, если бы в грудь стрелялся, возможно, ещё жив был бы! Накрыть надо несчастного. Василий, попроси полотно, что ли, какое - нибудь!

Тот вошёл во двор, обратился к толпе:

– Женщины, дайте холстину накрыть покойника!

Полная баба в большой шале до пят, пошла в дом, вынесла закрученный в столбец грубый холст.

Васька взял рулончик, подошёл к Павлу.

– Ну, давай покроем! Чёт полиции долго нет, а уж доктор тут и не поможет!

Они раскрутили полотно, накрыли покойника, пошли в дом. Содрогаясь от увиденного, Васька, подошёл к столу, налил вина в бокалы.

– Петр Кирьянович, сочувствуем вашему горю! Мы с Павлом накрыли несчастного холстиной.

– Да какое это горе для меня! Горе это - отцу его и дочери моей! И как Сашеньке я это скажу? Где она? - позвонил в колокольчик, вошла девушка с испуганными глазами, которая накрывала обед, - Ульяна, где Александра?

– Она, Петр Кирьянович, в комнатах у Ефимии Ивановны, мы ей примочки на синяки ставили.

– Сходи и тихохонько шепни Ивановне, что, мол, зову её!

Девушка суетливо закивала головой, выскользнула в приоткрытые двери. Через некоторое время, шурша сарафаном, вошла Ефимия, строго поглядела на Вострикова.

– Мне уж Ульяна всё рассказала про зятюшку твоего. Ох, и грех какой: молодой, ишо жить да жить, ан нет, неразумный, наложил руки на себя! Ты, батюшка, не убивайся больно:

каждому своя дорога от порога до погоста предназначена! Подошла к иконам, стала креститься и приговаривать молитву. Затем повернулась, оглядела всех.

- Вот, послушайте меня, я думаю, что сейчас не надобно Сашеньке про мужа говорить, что он убил себя! Только уснула, сердешная, всё слёзы лила! Вот уж горе, ну, теперь ничего не поменяешь, коли он мёртвый! Не подымеешь его!

В гостиную ввалился тучный мужчина с пышной бородой, в длиннополом пальто из чёрного драпа и с шалевым воротником из каракуля. Он с размаха кинул на пол круглую шапку из овчины. Сбросил с себя пальто, оставшись в длинном сюртуке. Плюхнулся грузным телом на диван и заплакал, закрывая лицо руками.

- Господи, в чём я повинен? Было четыре сынка, вот уж второго схороню. Эта, вот, жена ведьма, покойница, их к себе забирает! Глянул я на него, сторожа посвятили мне фонарем. Лежит, кровь моя, на снегу, и лицо довольное!

Пётр Кирьнович подошёл к отцу Николаши, обнял его за плечи, стал успокаивать.

- Милый ты мой, Илья Степаныч, горе твоё ничем не измеришь! Тяжело терять дитя своё! Никто и опомниться не успел - он тут враз застрелился. Николаша ведь перед своим убийством снова измывался над Александрой. Избитая приехала дочь моя, убёгом ушла из дома.

Илья Степанович громко всхлипнул:

- Ды рази я учил его этому! Вона, мы с Дарьей Платоновной сколь годов прожили, ни разу я на неё руку не поднял! А ведь сколь была характерна, доктор признал у неё меланхолию. Вот сынам и передала она свои болезни!

Громко стуча сапогами, вошли два полицейских: один из них - околоточный надзиратель, другой – урядник, оба перекрестились на образа. Околоточный покачал головой, сухо произнёс:

- Господа, прошу всех оставаться на своих местах! Петр Кирьянович, пожалте с нами на место преступления! Там уж все собрались.

Начался осмотр места происшествия в присутствии доктора и следователя. Затем допросили сторожей и дворовую челядь. Попросили Вострикова, если есть в доме оружие, то предъявить. Следователь приказал разбудить Александру. Узнав о случившемся, та упала в обморок. Доктор долго приводил её в чувство. Опрос всех закончился к трём часа ночи. Павел и Васька облегченно вздохнули, пошли спать.

Целую неделю шли допросы, Павла и Ваську тоже вызывали к дознавателю. Матёрый поручик с жёстким взглядом долго не отпускал их. Мял свои худые длинные пальцы, сверкая серебром погон, ходил по кабинету из угла в угол. Долго крутил их паспорта, шелестел бумагами, впивался глазами в их лица. Затем подёргал себя за ус, задумчиво произнёс:

- Господа, я намерен ещё раз пригласить вас на беседу, будьте добры не покидать Ярославль. Есть у меня сомнение насчёт вас!

Павел твёрдым голосом произнёс:

- Ваше благородие, позвольте узнать, какие такие сомнения относительно нас? Мы к этому убийству никакого отношения не имеем!

Дознаватель, не поднимая головы, ответил:

- Господин Шанских, а вас никто и не обвиняет: следствием доказано - Николай Ильич Палагин сам застрелился!

Поручик щёлкнул пальцами, ещё раз полистал бумаги, достал из зелёной папки два пожелтевших листа с карандашными набросками.

- Несколько лет назад, господа, служил я в другом месте... Тоже в сыске, преинтереснейшая работа, я вам скажу! Так вот, лет шесть, а может и больше, по сыскным отделениям были разосланы бумаги с приметами двух субъектов! И вы, пардон, сказывается мне, навряд ли подходите под их описание. Служба господа, прошу прощения, но я должен проверить ещё раз бумаги.

Обдавшись холодком, Васька встал со стула.

- Ваше благородие, я считаю ваше подозрение оскорблением! И субъекты, которые находятся в розыске, не имеют к нам никакого отношения! Позвольте нам засим откланяться! Павел Александрович, пойдём, время отобедать.

Павел добавил:

- Ну, если ваши подозрения будут вас беспокоить, то мы с удовольствием к вам наведаемся! Мы не собираемся покидать город, думаем обосноваться в Ярославле.

Поручик встал, склонив голову набок, окинул их жёстким взглядом.

Ну, ну... Похвально, нашему городу нужны молодые образованные люди! Честь имею, всего вам наилучшего, господа!

Выйдя из полиции, Павел крикнул извозчика.

- Ну - ка, малый, свези нас в ресторацию, которая лучшая!

- Эт, барин, мы мигом свёзём! А хушь бы при гостинице Царьград, хвалят ноне господа!

Но, милая, ходи шибче!

На входе в ресторан их встретил сам хозяин, всё расшаркивался, приговаривал:

- Благодарствую, господа, что посетили нашу ресторацию!

Внутри было чисто и уютно, мягкие диванчики. Они уселись, настороженно посмотрели друг на друга.

Подошёл официант, разодетый в кафтан с позументом.

Добрый день, господа, простите за задержку! Изволите отобедать или подзакусить!

- Давай, братец. подай нам клюковки, грибочков рыжичков, лапшички куриной. А ты, Павел, что ещё хочешь?

- Ну, думаю, к этому всему перепелок, таких, чтоб похрустывали, и ещё, говорят, в Ярославле котлеты шучьи великолепные! Подай их в сливочках! И курник, если имеется, тоже неси!

- Сей момент, всё будет в лучшем виде!

- Ох, Вася, я от слов сыскаря чуть не кинулся посмотреть, кто там изображён на бумаге, вот бы выдал нас! Хорошо работает сыскная полиция: я так думаю, во все губернии были разосланы бумаги о розыске нас с тобой!

Официант принёс водку, настоянную на клюкве, и закуски, дымящуюся лапшу с жёлтыми кружками жира. Васька налил в рюмки, выпили и закусили грибочками.

- Нужно быстрее покинуть Ярославль! Ты, Вася, держи язык за зубами! Ни к чему Вострикову знать наше прошлое. Про разговор с дознавателем тоже молчок. Теперь неизвестно, как всё сложится! Может, Востриков передумает, ну, тогда мы с тобой не у дела. Ну, ладно, не будем загодя думать о плохом. Давай обедать, а то лапша стынет.

Через два дня было выдано разрешение на похороны мужа Александры. Его отец, Илья Степанович, хотел отпеть Николашу. Ни один батюшка не соглашался отпевать самоубийцу. Востриков упросил доктора за плату написать бумагу, где было указано, что убийство совершено по болезни, и что покойный страдал нервным заболеванием. С этой бумагой Пётр Кириянович пошёл в церковь Илии Пророка, и старенький батюшка Дионисий согласился отпеть Николашу. Похороны зятя Вострикова были совершены без огласки, в селе под Ярославлем, рядом с могилами жены Палагина и старшего сына. Чтобы не было лишних разговоров в городе. Александра после похорон мужа быстро пришла в себя, осознав свою свободу: строила Павлу и Васьки глазки и жеманилась. За это получила выговор от Ефимии Ивановны: что, мол, вдова должна себя прилично, блюсти и соблюдать траур, а не хохотать с молодыми людьми. Но Александра вопреки этим замечаниям вела себя высокомерно. Хвалилась своим наследством, доставшемся от мужа: большой усадьбой, миллионами денег и ткацкой фабрикой. Востриков ворчал на дочь:

– Ты, Ляксандра, не дури с деньгами, тебе, вон, тока восемнадцать годков. Это ум надо иметь, чтоб управлять таким состоянием!

Та отца не слушала, начала скандалить и просила его не беспокоиться и не указывать, как ей жить. Потому что понимает, что может разориться быстро. Востриков тоже с ней разругался и сказал, что ему наплевать на её миллионы! Разозлившись, та ушла, хлопнув дверью.

Прошла ещё неделя, зима всю уже выполняла своё предназначение, пуржила, морозила. Павел и Васька слонялись по дому, как неприкаянные. Востриков целыми днями где - то пропадал. Вечером за ужином Васька решил начать разговор.

- Пётр Кирьянович, вот хочу узнать: у тебя мы что, так и будем нахлебниками просиживать возле тёплой печки?

Тот громко расхохотался.

– Ага, думаю, чёт мои молодцы смурные? Вы что, думаете: раз, два и отправились в путь - дороженьку! Нет уж, мои любезные: дай, Господи, добраться до тех краёв к концу зимы. А сейчас надо ждать, когда лёд на реках встанет. Да и санный путь обозы проложат до Архангельска. А если на поезде, то доберёмся только до Вологды. А уж там как бог даст! Или на перекладных, или на почтовых. Самое главное - должны мы покумекать, какой товар везти в Архангельск. Что мы за купцы будем, если не станем думать о прибыли?

-А что везут в Архангельск? - спросил Павел.

- Я возил, бывало, пеньку, сало говяжье, рогожу, ещё спички, мыло хорошо там продавалось. Уж не упомнить, что туда возил, ну, кожу тонкой выделки, известь, ткани льняные по несколько возов сразу, а из Архангельска жемчуг, сахар заграничный, ну, пушнину, само собой.

Покачивая головой, Васька проговорил:

– Пётр Кирьянович, ты прям по - серьёзному настроен! А то мы думаем, раз в твоей семье не очень ладно, так ты на попятную пойдёшь! Да у тебя тут, вон, фабрика и магазин, как без хозяина всё это оставить?

- Нет уж! У меня, Василий, уже всё решено: магазин я уж продал, да с огромным барышом. Фабрика моя под присмотром будет Ефимии Ивановны: я когда в отъезде она ловко ею управляет. Там же при фабрике и продают оптом перекупщикам, а те по деревням тулупами, полушубками торгуют. Усадьба тоже в её распоряжении. Завсегда у неё порядок, и дворовая челядь её уважает и слушается! И слово своё я держу! С завтрашнего дня и начнём понемногу собираться в путь - дорогу!

– Я вот что думаю, Пётр Кирьянович: может ружья закупить и там распродать.

– Ружья, Павел, товар хороший, но опасный! Тут ямщики должны быть семь пядей во лбу. Те, которые не один раз проторили дорогу на Архангельск. Не из болтливых, опять же охрана, абы кого не возмёшь. А то с таким товаром и голову сложишь в диких местах. Это, Павел, опасный груз: если кто прознает, то учинят разбой, и бумаги надо делать на провоз ружей. Мы, конечно, возмём, но не больше дюжины!

- А как ты добирался на север первый раз?

- А вот, Вася, был по молодости сорвиголова!

- Петр Кирьяныч, сколько годов тебе на сегодняшний день?

- Вот считай: женился в восемнадцать, дочке старшей - двадцатый, эх ма, ноне, Павел, мне сорок два годочка будет!

- Да ты ещё ого - го! – воскликнул Васька.

- Не жалуясь на здоровье, батюшка мой помер около восьмидесяти лет, а матушка ещё после него лет пять жила! А к самоедам подбил меня один странник, Захарий Редькин. Познакомился я с ним в богадельне, куда я привёз на Рождество крупу, пару мешков муки и соль. А заведение это для убогих и больных построил доктор, человек не бедный. Была у него ещё в подчинении больница городская. Подъехал я к воротам, тут подходит мужичок ко мне на

помощь сани разгрузить. Из себя роста большого, бородачи как у батюшки, до пояса, дебелий, ручищи как кувалды, голос низкий и бархатный. Ну, я возьми и на смех его подыми, что, мол, пристроился среди немощных. Он без обиды отвечает, что он работник тут, помогает по хозяйству. Ну и так, копеечку заработать на пропитание. Вот солнышко, говорит, пригреет и пойдёт он по белу свету бродить! Ну, слово за слово, мы с ним разговорились, да так ладно он всё излагает. И про народы разные, и города чудные, про Османскую империю, рассказал про шаманов на острове Колгуеве, обычаи самоедов, про поморов архангельских.

– Ишь ты, неужто взаправду он в тех местах бывал? – спросил Павел.

Востриков махнул рукой:

– Право слово побывал... В жарких странах за морями за горами, и в метель на севере замерзал, рыбы и оленины сырой наелся вдосталь! Сказывал, три года жил в стойбище, охотился на тюлений и нерпу. Даже жил с ихней бабой, женился на ней за калым небольшой, так как она хромая была. Поэтому родители большой калым не просили, всего лишь три оленя и ружьишко кремневое. Хвалил он самоедку свою, говорит, чудная она, рожать дитё убежала из чума. Вот и померла, не разродилась, нашёл он её в тундре недалеко. Сколь всего он мне рассказывал... Что, наслушавшись его сказочек, загорелся и я желанием тоже побродить по свету. Уговорил свою супружницу, чтобы она меня отпустила, собрались мы с Захарием к самоедам. Путь наш лежал через Вологду, Тотьму, Устюг, Холмогоры, Мезень, Пустозерск. На реке Двине бывали, в Сольвычегодске соль варили. С большими трудностями добрались мы всё - же до самоедов, почти два года пожили у них, а на обратном пути, в Мезени, Захарий заболел, вот, еле добрались до Архангельска, там я его и схоронил! Но бывал я в тех местах у самоедов ещё три раза, купил землю, построил зимник, сразу за Мезенью, человек мой там проживает. Скупкой пушнины занимается, а уж затем сын его везёт на ярмарку в Пустозёрск шкурки соболей, песцов, лис, моржовые клыки и разную мелочь. А вот если свезти пушнину на Маргаритинскую ярмарку в Архангельск, это озолотиться можно! Ну, одному несподручно, чтобы везти пушнину на ярмарку - напарничек нужен. Вот судьба меня сводила с разными людьми, но таких как Захарий больше не было в моей жизни. – Пётр Кирьянович встал, повернулся к иконам, перекрестился, сказав, – Царствие небесное рабу Захарию! Больше трёх лет я не бывал в тех местах, всего одно известие и было с зимника. Уж всё письмо затёрто, еле разобрал. Написано, чтобы я не беспокоился, всё в целости и сохранности, а кто его писал - неизвестно. Трофим у меня там хозяйнует, но он неграмотен, может сын его выучился писать да читать.

Васька и Павел заслушались Вострикова. Было им немного тревожно от его рассказа и любопытно. Павел высказался:

- Сомнения меня берут, если ехать в такую даль, да ещё с товаром!

Петр Кирьянович помял бороду, встал из - за стола, выглянул из гостиной, крикнул в темноту коридора:

- Ульяна, где ты запропастилась? Народ, кто живой?

Вбежала рослая рыжеволосая девушка в синем сарафане, пряча улыбку, склонилась в поклоне.

- Пётр Кирьянович, не шумите, народ весь на кухне чай пьют! Тамотко именины у Ульяши, так она угощеньице выставила. А кухарка брусничник испекла. С завтрава пост Рождественский зачинается!

- Ну вот! Пост начинается, а у меня гости и так постятся! Вы там чаи распиваете, а ума нет ни у кого самовар горячий гостям поставить. Совсем обленились, пригляда нет за столом, несите что -нибудь горячее, ну, и самовар, - достал портмоне, вынул из него рубль. – Вот, подай от меня Ульяне на новую ленту, иди, исполняй приказ!

Дело вот в чём, судари: самоеды пушнину за деньги не отдают, а меняют на товар. Но нам выгоды нет за семь верст киселя хлебать! Значит, надобно взять здесь такой товар, чтоб с прибытком продать его в Архангельске. А уж там купить товару для самоедов.

А вот надясь,- продолжал Востриков, – завёл я разговор с доставщиками Герасимовыми, их три брата, так оне мне сказали, что уж готовы у них сорок обозов с товарами от купцов на Архангельск. И подрядчики согласные на их условия. Может нам тоже товар с ними отправить? Выгода нам есть: сани с лошадьми и ямщики ихние. За товар они отвечают, стараются доставить в сохранности. Ежели убытки, так они штраф платят! Обьездчики у них тоже свои, с ружьями, а где шалют разбойники, берут местных провожатых, те знают уж повадки и пристанища воров. Ведают за скоко откупиться можно, если что!

Васька ухмыльнулся, проговорил:

– У меня уже сейчас мороз по коже, как представлю зимник! А мы тогда перекладными, что ли? Там хоть постоянные дворы есть?

– Да как вам сказать, и дворы есть, и казённые, я, бывалоче, и почтовыми как - то добирался. Денег пропасть издержал. Поехал без подорожной, за каждую версту плати, да ещё покуда дождёшься смены лошадей, не одни сутки уйдут. Самое лучшее это подорожную оформить, с ней надёжней!

Павел встал, потянулся.

– Ну, тогда, мужики, покупаем товар, отправляем с обозом, а сами - поездом до Вологды, а потом на перекладных от станции до станции, так потихоньку и доберёмся до Архангельска!

– Эх, молодец! Где наше не пропадало, нешто мы не купцы? Я согласен, Павел, с тобой! А ты, Василий, что кумекаешь?

– Да что тут кумекать? Я тоже думаю: нужно здесь брать товар, а там продавать! Осталось сообразить, что туда везти, чтобы не прогореть!

Пришла Ульяна с рыжеволосой девицей, убрали со стола остывшую еду. Принесли печеного глухаря в сметане с клюквенным соусом, копчёную ряпушку, домашнее пиво, горячий самовар. Ульяна поклонилась Вострикову и поблагодарила за подарок.

– Спасибочки за вашу доброту, Пётр Кирьянович, ленты завтра же куплю! Я вам принесу брусничник к чаю, очень вкусный и пышный получился у кухарки.

Глухарь был отменный, пиво было кисловатое и резкое, шибало в нос. Васька с Павлом уметали за обе щеки, нахваливая ужин. Востриков попросил ещё принести блинник с топлёным творогом. Потом долго сидели за самоваром, слушали рассказы Петра Кирьяновича об острове Вайгач, о Новой Земле, на которую он ходил летом с поморами на огромной шхуне, об обычаях и жизни самоедов. Спать улеглись поздно. Ваське не спалось, напала тоска, мысли сдавили голову: «Господи, куды я опять бегу... Зачем мне эти самоеды! Вернуться бы хоть на часок в Верхотурье, обнять отца, вдохнуть запах родной избы. Почаёвничать бы с бабой Груней, обнять сестёр. Они уже, наверное, большие. Эх, мало ты меня порол, отец, всё жалковал! А если он умер...То хоть бы могилке его поклониться. У матушки на кладбище никогда не был! Кругом чужие люди...Вот если вернусь живой с этих диких мест, слово даю! Поеду на родную сторонку, поклонюсь родимой земле!»

Под утро, когда заснул, приснился ему отец. Весёлый, в нарядной расшитой рубахе, придерживал большой, гладко струганный крест. Отец попросил Ваську помочь отнести крест на его могилку. Страшась, Васька подошёл к отцу, вцепился в гладкое дерево, силясь поднять. Но не смог сдвинуть его даже с места. Тогда отец, всё также улыбаясь, взвалил крест себе на спину и ушёл с ним. Проснувшись весь в поту, Васька долго не открывал глаза, думал о том, что неспроста отец с крестом ему приснился.

Всю неделю Востриков и Васька с Павлом готовились к отъезду. Братья Герасимовы согласились взять их обоз и посоветовали закупить парусину Серпуховскую, сукно, лён, нитки, набивной ситец, пеньку, джут, мешки рогожные, табак курительный и нюхательный, мыло, свечи. Решили ещё на три подводы товара для самоедов всё - же прикупить. По низкой цене набрали капканов, ножей, топоров, медную посуду и котлов небольших, игл для шитья, красных ситцевых платков с печатным узором. От жадности закупили прорву товара, аж на два-

дцать подвод набралось. Наконец, стороны договорились, ударили по рукам, и их товар отправился на Архангельск. Сами собирались не долго, Петр Кирьянович посоветовал брать больше тёплой одежды. Взяли по несколько пар нижнего белья из фланели, по две пары валенок, подшитых кожей, унты из собачьего меха, овчинные тулупы, малахаи на лисьем меху, рукавиц по две пары. Собирая одежду, Васька долго крутил в руках ожерелье и думал: " Зачем оно мне, куда его деть? Зря Павлу сразу не признался, что спёр его, эту побрякушку! А продать нельзя было - попался бы с ним сразу. Может, надо было выковырять бриллианты и в скупку их снести в Петербурге? Нее... Опасно! Ладно, щ потайное место сделаю в несессере дорожном, спрячу там это ожерелье на чёрный день! Тьфу, тьфу, не накаркать бы!"

Выехали в Архангельск в конце ноября. Дорога вымотала их. Провиант, который брали с собой, закончился. Постоянно пуржило, были сильные морозы, да ещё и ночёвки на постоянных холодных дворах. На некоторых станциях кроме плохого чая ничего не было, зато клопов и блох прорва. Но Пётр Кирьянович решал всё быстро, так как станционные смотрители почти все были взяточники. И за плату находились и еда, и постель получше, и лошадей тоже можно было получить быстрее. Востриков приплачивал за версту не пятнадцать копеек, а восемнадцать или двадцать. Зимний тракт был в рытвинах и ухабах, вдоль дорог были брошены поломанные повозки, экипажи, трупы обглоданных лошадей. За день проезжали когда двадцать пять вёрст, а иногда и шестнадцать. Если какая -нибудь повозка ломалась на узкой дороге, образовывался затор, который сложно было объехать. Тогда выпрягали лошадей, а эту повозку сталкивали в снег на обочину. На девятнадцатый день, когда уже стемнело, они наконец въехали в Архангельск. Станционный смотритель подослал местного извозчика, перегрузили свои чемоданы и сундук длинный с пятью ружьями. Востриков направил экипаж к своему знакомцу купцу Дрыгину. Долго долбились в кованые ворота, слушая надрывный лай собак. По дорожке с фонарем приблизился человек, грубым голос спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.